

—Разве тебе это не интересно? — спросил он, я кивнула.

—Да, но враждовать с Дурслями — не лучший выход. Наберись терпения, Гарри.

Но это его не убедило. На следующий день, когда будильник Гарри прозвенел в шесть утра, он посмотрел на меня с виноватым видом.

—Извини, — сказал он мне, а я просто накрыла голову подушкой и попыталась снова заснуть.

Я уже почти заснула, когда раздалось громкое "AAAAAPRRRGX!". Я была слишком уставшей, поэтому подкралась к двери и закрыла ее.

—Гарри и его планы, — пробормотала я про себя.

Когда я встала, то увидела, что дядя Вернон забивает почтовую щель. Я только покачала головой.

—Это что, преследователи, что ли? — спросила я у Дурслей.

—Типа того, — с горечью ответил Вернон.

К пятнице каждый день приходили десятки писем для меня и Гарри. Поскольку почтовый ящик был заколочен, письма теперь просовывали под входную дверь, по бокам, а некоторые в окно ванной внизу. Дядя Вернон снова остался дома, сжег все письма, затем забил досками щели у основного и черного входа, напевая и вскакивая на любой звук.

Мне кажется, бедняга сходил с ума.

В субботу я проверила свою логику. Почтальон вручил тете Петунии два десятка писем, каким-то образом для меня нашлось по двенадцать, а для Гарри — десяток. Дядя Вернон в ярости позвонил почтальону и стал жаловаться, пока тетя Петунья измельчала письма в кухонном комбайне.

—Кто на земле так сильно хочет поговорить с вами двумя? — изумленно спросил Дадли.

—Понятия не имею, — ответила я, так же изумленная и сбита с толку.

В воскресенье дядя Вернон, который выглядел усталым и больным, сел за стол. Несмотря на это, он был счастлив.

—По воскресеньям нет почты, — весело напомнил он нам, намазывая мармелад на хлеб, — никаких чертовых писем сегодня.

Не успел дядя Вернон закончить свою мысль, как из кухонного дымохода вылетела пара писем и ударила его по затылку. Секунду спустя из кухонного дымохода вылетело еще несколько десятков писем. Дурсли пригнулись, Гарри прыгнул, пытаясь поймать одно, а я попыталась схватить одно на полу.

—Вон! Вон! — прорычал на нас дядя Вернон. Он схватил Гарри за ногу, и я решила, что не стоит искушать судьбу, поэтому сдалась и ушла. Петунья и Дадли последовали за нами, а Вернон захлопнул за собой дверь и осмотрел всех, его лицо было багровым от ярости.

—Вот и все, — сказал он, стараясь говорить спокойно, но в то же время выдергивая большие пучки из своих усов, — я хочу, чтобы вы все вернулись сюда через пять минут, готовые к отъезду. Мы уезжаем. Просто соберите одежду. Никаких споров!

Никто не посмел спорить, и вскоре мы уже протискивались через заколоченные двери. Все было настолько плохо, что Дадли получил от отца оплеуху за то, что задержал их, он пытался пронести свой телевизор, видеомаягнитофон и компьютер. Вскоре мы выехали на шоссе. Я достала свою книгу и почитала еще немного, хотя каждый раз, когда дядя делал резкий поворот и бормотал: "сбить их...сбить их со следа...", я раздраженно теряла место, на котором останавливалась.

Однако, несмотря на все это, мне все же удалось дочитать книгу до конца и начать ее снова. Поскольку мы нигде не останавливались весь день, это было нетрудно сделать. Дадли был несчастен, он никогда в жизни не пропускал столько телепередач. Пропустить пять было для него пыткой, не говоря уже о том, что не было ни видеоигр, ни еды.

Бедный мальчик.

Наконец мы остановились в мрачной гостинице на окраине какого-то большого города. Дадли и Гарри разделили двухместную кровать, а я спала на диване. Тем не менее, несмотря на храп Дадли, я могла видеть Гарри, сидящего на подоконнике.

Как и мне, ему было интересно, что происходит в мире.

На следующее утро, когда мы только закончили завтракать черствыми кукурузными хлопьями и холодными консервированными помидорами, к нам подошла хозяйка гостиницы.

—Простите, но не является ли кто-нибудь из вас мистером Г. или мисс С. Поттер? У меня письма на стойке регистрации.

Она протянула пару писем, чтобы мы могли прочитать написанный зелеными чернилами адрес:

"Мистер Г. Поттер

Комната 17

Гостиница "У железной дороги"

город Коукворт"

В моем было написано то же самое, за исключением имени. Гарри попытался взять свое письмо, но дядя Вернон ударил его по руке, и женщина уставилась на него.

—Я возьму их, — сказал дядя Вернон. Затем он быстро встал и последовал за ней.

Прошло несколько часов, и мы снова тронулись в путь. Тетя Петунья пыталась уговорить Вернона остановиться. "Не лучше ли просто поехать домой, дорогой?" — спросила она его. Он не ответил.

Я все больше и больше беспокоилась за психическое здоровье дяди. Он заехал в лес, вышел из машины, осмотрелся, покачал головой, затем сел в машину и снова поехал. Он проделал это еще три раза: посреди вспаханного поля, посреди подвесного моста и на вершине многоуровневой парковки. В конце концов, мы добрались до побережья. Дядя Вернон припарковался, запер нас в машине, а потом исчез.

—Папа сошел с ума, не так ли? — спросил Дадли у тети Петунии.

За эту поездку я трижды прочла "Мэри Поппинс", и даже это было неинтересно знать. Поэтому я смотрела в окно, когда начался ливень. Что могло быть настолько ужасным, что Дурслей должны были сжигать письма?

—Сегодня понедельник, — продолжал Дадли, — сегодня вечером показывают "Великого Умберто". Я хочу остановиться где-нибудь, где есть телевизор.

Понедельник? Сегодня был понедельник, значит, завтра вторник. Наш одиннадцатый день рождения, даже если наши дни рождения не были веселыми, я получила эту расческу в прошлом году. Еще один год прошел, еще один год приближал нас к отъезду от Дурслей. Дядя Вернон появился снова, он безумно улыбался и нес пакет. Он проигнорировал вопрос тети Петунии о том, что это такое.

—Нашел идеальное место! — взволнованно сообщил он, — идемте! Все выходим!

Мы все выскочили из машины на холод и увидели дядю Вернона, указывающего на маленькую хижину на скале. Одно было ясно точно — Дадли будет скучать по Великому Умберто.

—На сегодня в прогнозе шторм! — радостно продолжал Вернон, хлопая в ладоши, — а этот джентльмен любезно согласился одолжить нам свою лодку!

К нам, шатаясь, подошел старик без зубов. Злобно ухмыляясь, он указал на лодку в серой воде.

—Я уже достал нам немного пайка, — сказал дядя Вернон, — так что все на борт!

Поездка на лодке была ужасной, нас постоянно заливала вода. Мы все промокли и замерзли. Мне стало очень любопытно, от кого были письма. Наконец мы причалили к скале, и Вернон, едва удержавшись от падения, повел нас в хижину. Первое, что я ощутила, когда он открыл дверь, запах морских водорослей, ветер легко проникал в хижину через щели в стенах, а огонь никак не хотел разгораться. Дядин паек оказался скудным — пакетик чипсов на каждого и четыре банана. Как я и предсказывала, огонь не разгорелся, а пакеты из-под чипсов просто зашипели и свернулись. Хотя Вернона это, похоже, не волновало. На самом деле он был весел.

—Теперь бы не помешали некоторые из этих писем, а? — сказал он, очевидно, будучи самым счастливым за последние несколько часов. Причина этого была очевидна.

Он думал, что письма не могут отправить сюда. Может, он был прав, а может, и нет. Тем не менее, мы не могли оставаться здесь вечно. Интересно, сколько писем было осталось в доме?

Наступила ночь, и буря усилилась. После того, как последние несколько ночей я спала на настоящей кровати, я была разочарована тем, что нас с Гарри заставили лечь на холодный, жесткий, грязный пол. С одним лишь маленьким тонким одеялом на каждого. Дадли спал на побитой молю кушетке, а Вернон и Петунья спали в другой комнате. Ближе к полуночи у нас с Гарри наконец-то появилась возможность поговорить.

—Как ты думаешь, кто пишет нам письма? — спросил он меня.

—У меня есть теории, — ответила я, Гарри с любопытством посмотрел на меня.

—Например?

—Служба защиты детей, таинственные преследователи. Хотя на самом деле я сама не знаю, как и ты.

Когда на наручных часах Дадли наступила полночь, разговор перешел от писем к тому, что мы хотим получить на день рождения.

—Книги, — сказала я. Гарри фыркнул.

—Ты говоришь это каждый год, — ответил он.

—Когда чтение — единственная форма развлечения, которую ты когда-либо знал. Ты привязываешься к нему.

—Наверное.

—Чего ты хочешь? — спросила я и добавила, глядя на потолок, — чтобы крыша не рухнула.

—Просто... лучшей жизни. Уйти от этого, вот почему я хочу увидеть эти письма. Может, они нам пригодятся.

—Ну, загадывай желание. Наш день рождения через десять секунд.

Гарри посмотрел на часы. И в тот момент, когда пробила полночь, наступило тридцать первое июля.

БУМ.

Вся хижина затряслась, Гарри резко поднялся на ноги, а мне пришлось сдерживать приглушенный крик. Кто-то стоял у двери.

<http://tl.rulate.ru/book/74433/2076147>